

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

ТУПЕНЬ
КРОВЬ АРХОВ

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Поселягин Владимир

П61 Тупень. Кровь Архов : роман / Владимир Поселягин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-184811-8

На брэнной Земле, в необъятной России, жил-был Анатолий Поляков. Добро наживал да беды не ждал. Но судьба-злодейка распорядилась иначе. Случилась банальная авткатастрофа: у коллеги-дальнобойщика отказали тормоза. И несущийся с крутого спуска американский грузовик, словно железный исполин, впечатал Толю в вечность, отправив душу на перерождение. Так наш герой сгинул в одном мире и очутился в другом, где властвовали высокие технологии, а космос был ближе, чем соседний город. Жить в мире звездолётов и межпланетных перелётов — мечта, ставшая суровой реальностью. Вот только беда: у Толи ума не велика палата, его IQ — всего шестьдесят одна единица. А в этом мире разум — самая ценная валюта, без которой никуда. Но не стоит списывать нашего героя со счетов! Опыта ему не занимать, смекалки хватит на десятерых. Наши парни везде пробьются и найдут своё место под солнцем, даже если оно светит в далёкой-далёкой галактике.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-184811-8

© Владимир Поселягин, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

Усмехнувшись, я крутанул руль верного МАНы, вписываясь в резкий поворот. Везу «китаянки», свежие, прямо с завода, — автовоз с ними капризный. Чуть зазевался — и уже лежишь на боку, рассыпав груз по обочинам. Но я-то знаю цену каждой царапине! Тише едешь — дальше будешь. Эта поговорка про меня. У коллег по автобазе азарт порой затмевает разум, потом месяцами горбатятся, расплачиваясь за разбитый груз. Мне такая кабала ни к чему.

На выходе из поворота слегка поддал газа. Какому-то зачуханному «Опелю» моргнул поворотниками: «Обгоняй, путь свободен!» Подкрутив громкость на магнитоле, расплылся в довольной ухмылке. А что грустить? Не жизнь, а малина! Помню, лет пять назад мы с семьёй рванули во Францию. Можем себе позволить, не обеднеем. Решил там приколоться — записать видео своей географичке. Младший, чертёнок, потом выложил это видео на её странице в ВК. Такой хохот стоял! Наверное, со времён «Камеди Клаба» не слышали. Видео разлетелось по сети, меня потом только ленивый не узнавал. Помню, как сейчас: с бокалом бордо в руке, на фоне Эйфелевой башни, глядя прямо в объектив телефона, который держала жена, я произнёс:

— Виктория Анатольевна, а вы говорили, что из меня ничего путного не выйдет! Смотрите сами: я в Лондоне, на фоне египетских пирамид...

Вообще-то юморист из меня, как из трактора балерина — от слова «совсем». Это жена у меня ходячий анекдот. Это её идея была с видео, я лишь сыграл роль. Добротно. Публика, что называется, заценила. А если честно, географичка, которая у нас с Анькой была классной руководительницей, в принципе была права. Да, тупой я, что скрывать? Девять классов еле-еле осилил. Зато самый здоровый и сильный в школе. Так что одноклассники, некоторые, со страху, конечно, но помогли доучиться. Потом армия, стройбат. Ума-то у меня палата небольшая, но всё же за два года выучили на шофёра. КраЗ водил, будь здоров! Потом открыл все категории. А на гражданке сразу в дальнобой подался. Вот уже почти тридцать лет кручу баранку. Мне сорок семь, как с куста. С математикой у меня тоже, мягко говоря, нелады. Зовут Анатолий Поляков, а внешностью, как средняя дочь Наташка говорит, я вылитый Мальчиш-Плохиш. Я — единственный ребёнок в семье заводских работяг. Не алкашей. Конечно, отец по праздникам может себе рюмочку-другую позволить, но без фанатизма. Ему компания важнее. Я, собственно, такой же.

Теперь о семье. Женился я до армии, по залёту, что называется. На самой красивой девчонке из класса. Пока я сапоги топтал, она школу с золотой медалью закончила. Отец у неё — не последний человек в городе, после развала Союза стал крупным бизнесменом, мать — главврач в частной клинике. Думаете, они обрадовались такому жениху? Да гнобили, чего уж там! Один нокаут тестю, и пять лет я их не видел. Пока наследник на свет не появился. Сын Ан-

тон, ему сейчас двадцать пять. Вообще-то, первенец у нас — дочка Маша, ей двадцать девять. Анька моя, пока сама школу заканчивала, жила с ней у моих родителей.

Добро наживали сами, никто нам не помогал встать на ноги. Родители жены из принципа: у них свой наследник был, младший брат Аньки. А мои не шибко богаты. Так что я сам поднялся. Дом-хоромы отгрохал на окраине Москвы, хотя мы из Казани. Две машины в семье: «Мерседес» жены и мой люксовый БМВ. Хотя и мой внедорожник жена берёт иногда. Она вообще с момента окончания школы ни дня не работала. Я её содержал и детей. В доме она хозяйка, я давно это принял и там на правах гостя. За территорией дома уже я глава семьи, и она мне подчиняется. Мы с первых дней, как расписались, так и решили, и до сих пор живём в мире и согласии. Как она могла повестись на меня с такой социальной разницей? Ну с лица воду не пить, красавчиком меня не назовёшь, но выбором своим она не мучилась. Причина не в лице. Главное, чтобы хрен был дубинкой, и выносливость запредельная. У меня не до колена, но почти. Жена на него чуть ли не молится. Ещё бы — шесть детей, младшей четыре годика. У меня четыре дочки-лапочки и два сына. Старший в ФСБ служит, старлей. Вылавливает бандеровских террористов в Курской области. Младший — Олег, тинейджер, пятнадцать лет, школьник. Как я с нуля стал хорошо зарабатывать и смог устроиться в элитном посёлке в границах Москвы? Всё просто: контрабанда.

Может, я и не семи пядей во лбу, зато хитрости во мне — хоть отбавляй. Ещё в армии, понюхав пороха, обзавёлся полезными знакомствами. Служба

наша у самой китайской границы проходила. Два прапорщика смекалистых там были, живо наладили канал — надёжный, как швейцарские часы, и бесперебойный, как китайский ширпотреб. Запчасти от нашей техники, родимой, китайцам сплавляли. Я в схеме — вроде как извозчик, но без меня бы никуда. Прапоры мне наряды липовые строчили, как из пулемёта. Правда, потом их всё же прижучили, но связи на той стороне остались. Дембельнулся я, и сразу с одним китайцем, который по-русски, как Есенин, шпарит, контакт восстановил. Устроился на автобазу и все свои армейские кровные в дело вложил: купил у китайских товарищей, перевёз и продал первый груз — дефицитные платы для заводских станков. За них, как за жар-птицу, дрались. Я и грузы хозяина машины возил — оттуда же. Кому надо на автобазе занёс, и меня только на этот маршрут ставили. А мест, где контрабанду схоронить в машине, как звёзд на небе. Одна плата в Китае — сто долларов, а в России её с руками отрывают, даже документы не спрашивают, за две тысячи. Я этих плат за год на двадцать тысяч долларов прибыли привозил. Чистыми, как слеза.

Это то, что у меня на руках оставалось, потому что половина заработанного уходила на семью: мы перебрались в Подмосковье, сняли дом — глаз не оторвать, и начали свой строить. Землю выкупил, и эта двадцатка первыми траншами в дело пошла. Дом деревянный, из оцилиндрованного бревна, настоящий русский терем, чтоб ему пусто не было. Пока я по заграницам мотаюсь, жена на стройке командовала, как генерал. Наверху пять спален и санузел, плюс балкон-терраса, чтобы воздух жрать, внизу — зал, кабинет, санузел, хозяйская спальня и кухня со

столовой. Да ещё стеклянная веранда, как цветник. Отдельно — баня с бассейном и беседка, чтобы от трудов праведных отдыхать. Гараж на две машины, участок — хоть в футбол играй. Триста тысяч вложил за два года, по тем временам — целое состояние. До сих пор в этом доме живём. Только недавно косметика, и всё как новенькое. И, кстати, жена со мной часто ездит за кордон, как в отпуск. Не официально, само собой. Этакий медовый месяц, растянувшийся на годы. Супруга моя и после свадьбы своих прелестей не растеряла, на фитнес и танцы ходит. Меня-то туда калачом не заманишь, я — как медведь, что на задние лапы встал, а вот она фигурку сохранила — глаз не оторвать.

Кто-то может и подумать, что она мне рога наставляет. И у меня такие мысли в голову лезли: я хоть и не капитан дальнего плавания, но дома нечасто бываю. Это я к чему. Тайком проверил всех детей — анализ ДНК на отцовство сейчас делают быстро и анонимно. Зачем? Да просто все дети — вылитая жена, больно уж умные. Хотя у сыновей мои плечи богатырские. Нет, все — мои, проверено. Хотя природа их щедро одарила — и богатырским здоровьем, и умом светлым. Так что жизнь удалась. Накопил немало. Сейчас за один рейс с контрабандой имею сто пятьдесят тысяч евро чистыми. Я лет с десяти как на евро перешёл — с долларов соскочил. Жена посоветовала. Она вообще у меня дока во всех делах, чуть что — сразу сечёт, что к чему. Секретов у меня от неё нет. Так что мы жили душа в душу, без шуток. Это, наконец, и её родители поняли, пусть и лет через десять после свадьбы. Особенно после того, как их родной сынок сел на двадцать лет за убийство и групповое изнасилование, мажор хренов. Дети у них часто

бывали. А мои родители в Анне и внуках души не чаяли. Внуки у них в Казани летом часто гостили, да и они к нам приезжали. Я хотел их рядом устроить, дом купить, но те в отказ пошли. В Казани — друзья, вся родня.

Как видите, всё шло как по маслу, и я серьёзно развернулся на контрабанде. Сейчас один рейс приносит мне от ста до двухсот тысяч евро дохода. Больше я старался не хапать, чтобы внимание не привлекать. Так что мы и на старость накопили. В акции полтора ляма евро вложено, в месяц пять тысяч евро дивидендов получаем, это жена устроила. Да и на чёрный день кубышка полна. Я бы мог попытаться стать бизнесменом, но это не моё. Не тот склад ума, да и вообще я им не блещу. Но никогда об этом не жалел. По сути, занял идеальную нишу для такого, как я. Чем и пользовался. С такими мыслями, под китайский шансон, вдруг услышал вопль по рации:

— Тормоза, парни, тормоза отказали!

Почти сразу в эфире заголосили несколько дальнобоев:

— «Американца» понесло!

— Разбегайтесь!

Я только и успел увидеть, как корма впереди идущего в гору дальнобоя спешно ушла в сторону, и как прямо мне в лоб, искромсав бок прицепа, вылетел длинномордый, ядовито-красный тягач производства США. Реакция у меня — дай боже каждому, многие её хвалили. Но тут даже я ничего не успел сделать. Хорошо, что один шёл, без жены. С напарниками я никогда не ездил — специфика бизнеса. Да и делиться не люблю. В общем, удар, вспышка дикой боли — и всё померкло.

Глава 1

Очнулся я почти сразу. В мыслях проклиная водилу заокеанского тягача, попытался осознать, как вообще уцелел. Сам пятнадцать лет отъездил на американцах, жена особенно балдела от жилого блока за кабиной. Раз сорок, наверное, со мной в Пекин моталась. Так вот, любой уважающий себя дальнобойщик, если тормоза отказывают, свернёт с трассы. Пусть машина ляжет на бок, а если повезёт, успеет выпрыгнуть и отделаться лёгким испугом. Но нестись сломя голову по забитой федералке, где фуры и легковушки на каждом шагу — это, на мой взгляд, за гранью добра и зла. Тем более, когда за тобой полный автобус детей пылит. Поднял руки и с изумлением принялся рассматривать тонкие, розовые пальцы. Точь-в-точь как у моего сына-подростка, а ему всего пятнадцать. Но слушались они меня беспрекословно, сжимаясь и поворачиваясь по велению мозга. Неужели это мои руки?

— Где я? — пробормотал, приподнимаясь на постели и осматриваясь.

Не то чтобы темно, но и светлым это место не назовешь. Полумрак, скорее. Пальцы и руки различал, да и в целом признал их своими. Новыми. Фантастику про попаданцев не особо жалую, да и вообще читать не люблю, но домашние мои на этом жанре помешались. Похоже, я погиб и очутился в другом теле. Даже зубы другие. Мне недавно два выбили в потасовке на стоянке. Без злобы дрались, так, для разрядки, но некоторые товарищи вошли в раж. С двумя договорился помахатья, а тут народ набежал, человек двадцать, стоянка-то большая. Но драка знатная вышла, и я не подкачал. Всё-таки КМС по боксу. До

армии успел защитить, да и после тренировки не забросил. Правда, тогда на меня трое разом навалились. Отбился, конечно, но зубы потерял. Так что эти точно не мои.

Ещё минут двадцать ушло на осознание и принятие новой реальности, но особо я не расстроился. Я вообще парень невозмутимый, тугодум. Ну и что, что соображаю медленно и не всегда верно? Если кого это задевает, пусть скажет в лицо и понюхает мой кулак. Пусть другие переживают, что и как я думаю. Так вот, первое, что я понял: я в палатке из синтетики. Светлое пятно сбоку — похоже на окно, за шторкой. Сижу на надувном матрасе, одеяло сползло. Но главное — я здесь не один.

Слева лежала кроха, годика два от силы. Волосы светлые, спутанные. За ней спит девочка лет десяти, а дальше — парнишка лет тринадцати. Все спят крепко, укрытые тонкими одеяльцами. И все нагие. У входа в палатку валяется кучей одежда. Я поморщился — жена привила мне любовь к порядку. Обе девочки — блондинки, парнишка — черноволосый. Я пощупал их тонкие ручки, вырвал по паре волосков. Стараясь не разбудить, переполз к выходу. То, что я тоже голый, меня не смущало. Попытался открыть палатку — не выходит. А меня уже припёрло по-маленькому. Искал молнию, но тут какой-то другой механизм. Наконец, нащупал внизу уплотнение, нажал и потянул вверх. Неожиданно получилось: стенка палатки разъехалась на две половинки, и я выбрался наружу. Палатка обычная, четырёхместная, без тамбура. Поднялся, огляделся и зашагал по мокрой от росы траве к кустам — отлить. Это сейчас меня волновало больше всего.

А насчёт попадания я вообще не парился. Ну, погиб дальнобойщик Толя. Не до конца же — попал в новое тело, снова живой. Только вот где? Звёздное небо совершенно чужое. Это точно не Земля, да и ладно. Больше переживаю за семью. Понятно, что я подушку безопасности им оставил приличную, проживут, но всё равно сердце щемит. Трём старшим детям купил квартиры в Москве, остальным собирался, когда шестнадцать исполнится — бзик у меня такой. Волнуюсь за них, но справятся, погорюют, а дети меня любили, но со временем боль утихнет. Вот и у меня так же, пока сердце ноет, давит боль потери, осознание, что навсегда, но внешне я спокоен. Вздохнул только.

Светало, небосклон розовел. Палатка стояла у кромки длинной полосы кустарника, разросшегося на краю оврага. Вокруг — поля, лесов не видно, поля обработанные. Подошёл к полю, поиграл колосьями и удивлённо пробормотал:

— Пшеница. Чёрт возьми, настоящая!

Тут шум привлёк внимание, из палатки выбрался парнишка. Тоже до кустов добежал, хмуро оглядываясь одним глазом, и тоже стал облегчаться, что-то спрашивая у меня. Язык на французский похож, но я его не знаю. Вот жену бы сюда. Да я китайский восемнадцать лет учил по самоучителям и кассетам, имея возможность в языковую среду окунуться, и то с жутким акцентом говорил. Мы за отпуск по четырём-пяти стран успевали посетить, больше сорока стран объездили. Хорошие воспоминания, люблю их, но сейчас не время предаваться ностальгии. Лучше сохранию их, это всё, что у меня осталось. А пока ответил парню, который косился на меня одним заспанным глазом, второй так и не открыл:

— Нет, парень, не понимаю я тебя.

Тот удивлённо задал ещё пару вопросов, потом махнул рукой и ушёл в палатку. Видимо, решил, что я над ним смеюсь. Прикинув ситуацию, осмотрел тело, разминаясь, и понял, что достался мне дохляк. Я таких ботанами называл. Не высокий, это не мой метр девяносто, от силы метр семьдесят, а то и меньше. Но руки и ноги крепкие, спина тоже. Парень работал, занимался тяжёлым физическим трудом и неплохо окреп. Но всё равно дрищ, плечи узкие. Поёжившись от прохлады, я пожал плечами и, вернувшись в палатку, даже закрыть её смог. Парень уже спал, закутавшись в одеяло, вторым накрыл девочку, а сам пристроился сбоку от малышки и почти сразу уснул. Утро вечера мудренее.

Всё началось с первыми лучами солнца. Я пробудился, кажется, третьим. Малышка Ирри ещё мирно спала, а двое других, девочка и парень по имени Зет, уже вовсю одевались, выбравшись из палатки. Окинув взглядом валявшиеся вещи, я опознал свои носенные штаны, натянул их и, последовав примеру, отправился в кусты, стихийно превращённые в подобие туалета.

И тут началось «общение». Сперва они засыпали меня вопросами, тараща глаза от удивления, а я, ничего не понимая, автоматически отвечал по-русски. Затем в их голосах зазвучали нервные нотки, а вскоре и откровенный испуг. Я тоже пытался прояснить ситуацию, жестами выспрашивал, что они здесь делают, где взрослые? Тело, в которое я непонятным образом угодил, продолжало меня удивлять. Судя по ощущениям, ему было лет шестнадцать, хотя, на мой вкус, это был какой-то заморыш.

Спор между Леей и Зетом, как я узнал, шёл почти до самого обеда. Меня они называли Дэнном. Мы

едва успели позавтракать безвкусной массой, похожей на пластилин. Не знаю, что это, но довольно сытно. Запили всё скудным запасом воды — половиной десятилитровки. По виду канистры и самой палатки становилось ясно, что это не средневековье. Да и инверсионные следы в небе, появившиеся с утра, только укрепили эту мысль. В конце концов, парень достал планшет, и я с неподдельным интересом уставился на него. Мои вопросы оставались без ответа, а ребята смотрели на меня с каким-то странным изумлением. И что дальше? Рот сам собой открылся, когда рядом с палаткой плавно завис элегантный аппарат обтекаемой формы. Зет жестом пригласил меня внутрь, я был уже одет и обут, и мы куда-то полетели. Девчонки остались ждать.

В каком-то гигантском мегаполисе пилот высадил нас на парковке. Пока я, ошарашенный, вертел головой по сторонам, парень уверенно тащил меня за руку, так что дорогу я вряд ли запомнил. Он что-то переговорил с девушкой за стойкой, а затем нас встретил мужчина в белом комбинезоне и проводил в кабинет, больше похожий на медицинский, если бы не шесть огромных гробов-капсул, выстроившихся вдоль стены. Одна из них была открыта, демонстрируя валики ложа и мягкое внутреннее свечение. Меня заставили раздеться и лечь в эту капсулу. Крышка опустилась, я остался в сознании и пролежал так около пятнадцати минут. Ничего не происходило. Потом меня извлекли, я оделся, и меня повели в другой кабинет. В центре стояло кресло, над которым нависал странный колпак. Невероятно. Меня усадили, зафиксировали руки и ноги. Я не сопротивлялся. Надели колпак. Затем последовало минут пять странного гула. Вспышка — и я провалился в небытие.